

УДК 821.111–311.9.09

**НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ Г.ДЖ. УЭЛЛСА:
ОТ АНТИУТОПИИ К УТОПИИ****О.П. КУЛИК***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются научно-фантастические романы и повести Г.Дж. Уэллса в русле нескольких литературных традиций: утопической, сатирической и собственно научно-фантастической. Приводится развернутая картина теоретического осмысления феномена утопии (терминология, история понятия, функции, смежные явления). Автор приходит к выводу, что Уэллс, говоря о перспективах развития человечества, последовательно движется от антиутопии к утопии, кроме того, в отдельных произведениях наблюдается синтез элементов обеих систем, что позволяет применить по отношению к его творчеству термин «амбиутопия». Также в ранних произведениях писателя формируется жанровый канон социально-философской фантастики. Идеи Уэллса отражаются не только в его художественном творчестве, но и в публицистике.

Введение. Герберт Джордж Уэллс, английский писатель, классик научно-фантастической литературы, внес большой вклад в развитие национальной и мировой утопической традиции XX века¹. Утопия – воплощение определенного типа сознания, который может проявляться в науке, искусстве, философии и др. В утопии воплощены неотъемлемые свойства человеческого духа: потребность в осмыслении идеала, в артикуляции образа желаемого будущего и стремление к совершенству.

В данной работе рассмотрим научно-фантастические романы и повести Г.Дж. Уэллса в контексте утопической традиции. Методологической базой послужил историко-контекстуальный метод.

Основное содержание. Проблема сущности утопии обусловлена двойным смыслом, который заложил в это понятие Томас Мор², отсюда различные толкования термина. Дополнительную трудность представляет интердисциплинарный характер явления, следовательно, необходимо учитывать наработки философии, культурологии, социологии и т.д. Как утверждает Ч. Кирвель, «утопия принадлежит к «пограничному искусству», находится на стыке между обыденным и теоретическим сознанием, образным и концептуальным восприятием действительности, психологией и идеологией, религией и наукой» [1, с. 17]. Будучи одной из форм общественного сознания, утопия является результатом недовольства существующим порядком вещей и, соответственно, пытается уйти от него, предложить идеальный (т.е. совмещает как социальную критику, так и осмысление возможного социального идеала).

Исследовательница Л.А. Морщикина выделяет широкое и узкое понимание термина: в широком смысле – это нарратив, который на основе мысленного моделирования формирует определенным образом аксиологически ориентированное общественное сознание; в узком – проект совершенного государственного и общественного устройства, противоположного существующей действительности, созданный на основе ориентации на некий идеал и обосновывающий альтернативную социальную гипотезу [2, с. 9].

Сложность состоит в том, что зачастую в научных работах одним термином пытаются обозначить различные явления: утопия как литературный жанр и утопизм как вид общественного сознания. Понятие утопизма Л.А. Морщикина связывает с феноменом «несчастливого сознания» Г. Гегеля³, когда «недостижимый идеал становится реализуемой социальной задачей» [2, с. 9], т.е. это стремление создать идеальное общество, коммуну здесь и сейчас. Идеал, который принципиально недостижим, заменяется конкретной целью (гипотеза Е. Чертковой о трансформации утопического сознания от утопии к утопизму [3, с. 57]). Третий компонент – утопическое сообщество – вводит Л.Т. Сарджент [4, р. х].

Нет единства и в трактовке утопии как литературного явления, особенно если рассматривать ситуацию в XX веке, когда распространилась антиутопия. Одни исследователи признают единую жанровую природу утопии и антиутопии (Б. Ланин [5]). Другие – считают антиутопию самостоятельным жанром (работы Э. Баталова [6]; Ю. Латыниной [7]; А. Мортон [8]; О. Сабининой [9]). Утопию и антиутопию как разновидности научной и социальной фантастики рассматривают Д. Сувин [10], А. Бритиков [11], Ю. Кагарлицкий [12], В. Ревич [13]. Появляются новые концепции: трактовка утопии не как жанра, а как

¹ Под утопической традицией мы вслед за Н.В. Ковтун понимаем «ряд текстов, каждый из которых представляет источник мотивов, образов для позднейших утопических произведений» [14, с. 10].

² Утопия – термин, произошедший от греч. ου – нет и τόπος – место, т.е. место, которого нет; по другой версии – от ευ – благо и τόπος – место, т.е. благословенная страна, – изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования [15, с. 295].

³ В философии Гегеля это этап развития Абсолютного Духа и индивидуального сознания, который характеризуется утратой идеалов и опустошенностью.

художественной системы (работы Н.В. Ковтун [14]); определение антиутопии как антижанра (работы Х.А. Маравалы [16]). Исследование утопии и антиутопии как метажанра только начинается, эта проблема в сущности лишь обозначена в работах О.А. Павловой [17], которая констатирует термин «метаутопия» как обозначение «третичного» жанра. Более полное выражение концепция нашла в докторской диссертации А.Н. Воробьёвой «Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии» [18]. Вопрос о целесообразности выделения амбиутопии остается открытым, потому что идея в целом близка понятию метаутопии.

По мнению М. Шадурского, ядро жанра утопии образовалось «в ходе переосмысления канонических жанровых образований – мениппеи, пасторали и сократического диалога» [19, с. 6]. Причем «текст утопического произведения несет на себе одновременно два заряда: на уровне смысла – очевидное стремление к социально-политической инженерии; на уровне модальности – потаенную иронию и даже скепсис по поводу жизнеспособности провозглашаемых идеалов». Представляется, что последнее утверждение верно в отношении немногочисленных утопий Уэллса. На метажанровом уровне утопия «входит в контекст философской прозы и фантастической литературы» [20]. Основными признаками утопии Р. Гербер считал фантастичность, идейность и тенденциозность [21, р. 121].

Онтологическим основанием утопии в форме «государственного романа», считает А.Ю. Смирнов, стала «вера во всепобеждающую силу разума, способного без посредства божественного вмешательства создать рай на земле», т.е. классическая литературная утопия могла возникнуть только в эпоху Возрождения с утверждением антропоцентризма [22, с. 40].

Исследователь Э.Я. Баталов выделяет следующие функции утопии:

- критическая (утопическая *критика* может быть пассивной, созерцательно противопоставляющей реальному бытию бытие воображаемое, или активной, сознательно нацеленной на осуществление радикальных преобразований);

- нормативная (воплощение определенного идеала, который служит либо неким гипотетическим ориентиром, либо конечной целью коммунарного эксперимента);

- когнитивная (фиксация состояния общества, породившего данную утопию);

- конструктивная (образы будущего оказывают влияние на события реальности, воздействуя на интересы и стремления людей)⁴;

- психотерапевтическая/компенсаторная (вдохновляющая, утешающая роль предельного идеала);

- ограничительная (манипулирование с целью сохранения имеющегося порядка) [6, с. 64 – 71].

На то, что установка на превращение идеала в реальность характеризует отличие утопического сознания как от собственно утопии, так и от сознания эстетического, также ориентированного на воплощение идеала, но в форме прекрасного, указывает В.П. Шестаков [23, с. 57].

Склонность к утопическому видению реальности стала приравниваться к способности, позволяющей человеку выжить в созданном им бездуховном, вещном, сверхрациональном мире. Нарочитый утопизм стал проявляться в футурологических прогнозах, нередко трактующих человека как *Homo utopicus* [24, с. 78]. Это И. Сиземская связывает с присущим человеку «историософским видением действительности» [24, с. 81], т.е. стремлением установить объективные закономерности развития истории, выявить нравственно-духовную подоплеку, оценить саму возможность построения идеала.

С середины XIX века утопии все больше превращаются в специфический жанр полемической литературы, посвященной проблеме общественного идеала, который в основном достигается за счет научно-технического прогресса.

Характерные черты классических утопий:

- страна, отделенная от остального мира как географически, так и стараниями самих жителей;

- минимизация или же запрет связей с внешним миром;

- формальное равенство членов общества (особенно в сфере труда на общее благо);

- максимальная регламентация всех сфер жизни (политика, экономика, образование, семейная жизнь);

- всеобщая свобода-равенство-братство достигается за счет беспрекословного подчинения определенному своду правил;

- высшее благо – счастье коллектива, индивид – лишь его часть.

После неудачных экспериментов по практической реализации утопии в XIX – XX веках возникла необходимость выразить этот страх в литературе – так появилась антиутопия. Соответственно, массовое появление негативных утопий (дистопий, какотопий) и антиутопий связано не только с исторической эволюцией утопии, но и с конкретными историческими событиями. Исследователи отмечают, что «антиутопия... восприняла семантическую структуру литературной утопии, а также ряд ее поэтических особенностей» [19, с. 6].

⁴ Конструктивную силу представлений о будущем постулируют в своих футурологических теориях У. Уоскоу, О. Тоффлер, Р. О'Гилви и др.

Наиболее логичным нам представляется развести понятия негативной утопии/дистопии, какотопии и антиутопии. В первом случае берется некая тенденция/ии развития общества, экстраполируется во времени, причем результат получается негативным и даже пугающим. Во втором – показывается постапокалиптическое состояние мира со всеми вытекающими последствиями, т.е. более системный и мрачный вариант развития событий.

В антиутопии (Е. Замятин, А. Платонов, Дж. Оруэлл, О. Хаксли) дискредитируется сама возможность построения идеального общества. Структура изображаемого мира повторяет структуру мира утопии, но с противоположным знаком: равенство воспринимается как уравниловка и нивелирование личности, коллектив – как бессловесное стадо, стабильность – как остановка развития и энергетическая смерть, регламентация – как система принуждения. Суть антиутопии – в противопоставлении точек зрения участников утопии (не считая отдельных бунтарей, выступающих против системы) и читателя, «диалогизированный спор». Совпадение точек зрения, отсутствие диалога дает утопию. Восприятие утопии/антиутопии как метажанра можно принять, лишь учитывая упомянутое противоречие.

Существует мнение, что в XX столетии преобладающей моделью становится эупсихия (eupsyche), основа которой заключается в боязни потерять личность: «В эупсихии утопия локализуется на уровне человеческого сознания, в переживании и настроении, предельно субъективируется. Доминанту эупсихии составляет идея сохранения личности как нечто самоценного в ее индивидуальности, и это определяет негативное отношение к равенству как унификации, обезличиванию, нумеризации» [17].

В своем творчестве Уэллс шел от антиутопии к утопии, быть может, потому, что действовал в рамках мировоззренческой парадигмы XIX века: литература должна учить, и если она не может показать образец, то пусть обучение идет от противного, через страх – прием традиционного романа-предупреждения. Позднее подобные произведения будут объединять в рамках апокалиптической и постапокалиптической литературы, где показывается некая глобальная катастрофа (экологическая⁵, космическая, социальная), приводящая к практически полному уничтожению человечества, мир погружается в варварство, жизнь теплится лишь в отрезанных друг от друга коммунах (именно это и составляет предмет изображения).

Сатирическую литературу и философскую прозу просветителей XVIII века Е. Соловьева рассматривает как основу модели уэллсовского научно-фантастического романа [25, с. 436]. Действительно, можно называть Уэллса прямым продолжателем традиций Дж. Свифта в деле изображения и высмеивания современного общества и современной личности.

На то, что все ранние романы Уэллса не только фантастичны, но и социальны, указывал и один из первых исследователей его творчества Дж.Д. Бересфорд [26], в этом же он видел основное отличие от романов Ж. Верна. Кстати, и Уэллс, и Верн постоянно отрицали какое-либо сходство между собой. Уэллсу было важно не столько приключение или открытие как таковое, сколько его влияние на общество (подчеркнем: не личность, а социум и даже человечество). Верн тщательно прорабатывал технические детали открытия, ему важно было заинтересовать молодежь новыми научными тенденциями, это дало повод называть его произведения технической фантастикой, а основной функцией научной фантастики (НФ) считать популяризаторскую. Уэллса полное соответствие современным научным концепциям не интересовало, важнее был сам научный подход, системный, предельно логичный, порой суховатый⁶. Общество, человечество представляется как живой организм с периодами прогресса и регресса.

Рассмотрим вопрос целесообразности отнесения утопии и антиутопии к научной фантастике. Безусловно, утопия возникла и долгое время функционировала как самостоятельный жанр. Антиутопия зародилась как реакция на угрозу практического воплощения утопии и была направлена на будущее (а это уже объект интереса НФ)⁷. Научная фантастика получила окончательное оформление как вид литературы в конце XIX века именно в творчестве Ж. Верна и Г. Уэллса. Верна больше интересовали технические подробности изобретений и описываемых экспериментов, а Уэллса – то влияние, которое подобное новшество оказывает на отдельную личность и общество в целом, что дало критикам право говорить о двух разновидностях НФ: «твердой» (hard SF) и «мягкой», или социальной (soft SF), для последнего варианта более традиционным является русскоязычный термин «социально-философская фантастика». Такая терминология примерно соответствует узкому и широкому пониманию научной фантастики. Называя социальную фантастику не разновидностью НФ, а «самостоятельным типом фантастической литературы XX века», Е.Н. Ковтун в 1991 году уточняет терминологию [27, с. 14], а в 2008 году признает ее одной из «двух самостоятельно формирующихся разновидностей (подтипов) рационально-фантастической литературы» [28, с.

⁵ Особенно актуальна экологическая катастрофа как точка отсчета для белорусской апокалиптики: «Катастрофа» Э. Скобелева, «Последняя пастораль» А. Адамовича.

⁶ Поздние романы принимают трактатную форму и становятся ближе к публицистике, нежели к художественной литературе.

⁷ Иногда утопию и антиутопию относят к спекулятивной фантастике (speculative fiction).

85] наряду с научной. Она отмечает, что в «твердой» НФ рациональная гипотеза «имеет самодовлеющее значение, становясь главным объектом читательского интереса» [28, с. 85]. Рациональное допущение в социальной фантастике выполняет вспомогательную роль.

Утопия и антиутопия показывают желательный или нежелательный варианты развития общества в целом, т.е. цели повествования совпадают. Сам Уэллс использовал для своих романов термин «scientific romance», т.е. «научный роман», причем «romance» означает «романтический, героический роман, необылица, выдумка», соответственно, научная мотивировка вплетена в авантюрный сюжет. Первым, кто предложил относить утопию и антиутопию к научно-фантастическому жанру, был Дарко Сувин (1974). По мнению Е.Н. Ковтун, классическая утопия просуществовала до конца XIX века с небольшими изменениями (путешествие в неведомую страну сменяется у Э. Беллами и У. Морриса сном о будущем) [28, с. 89]. Творчество Дж. Лондона, Г. Уэллса, А. Толстого, К. Чапека и О. Стэплдона исследовательница относит к социально-философской фантастике [28, с. 89].

Мы докажем, что в случае с Г.Дж. Уэллсом можно говорить об утопии/антиутопии как разновидности социально-философской фантастики, тем самым мы учитываем не только проблемно-тематический аспект, но и функциональный.

Проанализируем произведения, имеющие в своей структуре утопический элемент, а это все научно-фантастические произведения писателя. Объясняется данный факт тем, что НФ возникла на стыке романтической и неоромантической прозы, сатиры (Уэллс подчеркивал свою связь со свифтовской традицией), философской литературы. Безусловно, Жюль Верн внес свой посильный вклад в развитие нового вида литературы, но его тексты скорее приключенческие и популяризаторские, нежели строго научно-фантастические (отсюда традиция относить их к технической фантастике или научной в узком смысле).

Романное творчество Уэллса можно разделить на несколько периодов. В ранний период (1895 – 1900) были написаны почти все научно-фантастические произведения: «Машина времени» (1895), «Остров доктора Моро» (1896), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1898), «Когда спящий проснется» (1899). В 1900 – 1914 годах⁸ писателем была разработана концепция будущего общества: «Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль⁹» (1901), «Человечество в процессе самосозидания» (1903), «Современная утопия» (1905). В это время Уэллс занимается написанием социально-бытовых романов: «Любовь и мистер Льюишем» (1900), «Киппс» (1905), «Тоно-Бэнге» (1910), «Анна-Вероника» (1912). Обращение к фантастике происходит гораздо реже: «Первые люди на Луне» (1901), «Пища богов» (1904), «В дни кометы» (1906), «Война в воздухе» (1908). Происходит постепенный переход от антиутопии к утопии. В позднем творчестве выделяются богостроительские романы-трактаты «Душа епископа» (1917), «Джоан и Питер» (1918), «Неугасимый огонь» (1919); антивоенные – «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (1916), «Мистер Блетсуорси на острове Рэмпол» (1927). Для нас интерес представляют «Люди как боги» (1923), «Сон» (1924), «Облик грядущего» (1933) и «Рожденные звездами» (1937).

Ранние научно-фантастические романы в целом дублируют эволюционистские идеи, отраженные в новеллах и эссе. Человек предстает как существо, которым движут скорее инстинкты, а не разум, его будущее отнюдь не радужно: рано или поздно его сменит более приспособленный вид (земной или инопланетный).

«Машина времени» (1895) – рассказ о будущем Земли вплоть до гибели Солнечной системы. Общество, которое сейчас разделено на классы, через тысячи лет превратится в разные виды, один из которых всегда в буквальном смысле будет питаться другим: морлоки – элоями, одни травоядные – другими¹⁰ (зрительно реализованная метафора). Использована традиционная рамочная структура повествования: рассказ в рассказе. Путешественник во времени рассказывает о своих приключениях в патриархальной гостинице с типично викторианской обстановкой, контраст между апокалиптическими картинами умирающего солнца и классическими креслами, гигантскими крабами и послеобеденным кофе создает гротескный, фантазмагорический образ нашей реальности, которая, возможно, так же иллюзорна, как видения будущего, и так же жестока.

«Остров доктора Моро» (1896) не только призыв против вивисекции, но демонстрация попытки человека взять на себя функции Бога. Моро перекраивает тела животных и их разум, что гораздо опаснее. По мнению автора, в человеке доминирует животная часть, можно попытаться загнать ее внутрь средствами цивилизации, но рано или поздно она выйдет из-под силового контроля (об интеллектуальном или нравственном контроле речи не идет).

⁸ Примерно к этому же периоду принадлежит деятельность Уэллса в составе Фабианского общества (1903 – 1908). Общество было довольно замкнутым и не особо многочисленным, чтобы оказывать сколько-нибудь заметное влияние на политическую жизнь Великобритании, и, с точки зрения Уэллса, их методы были недостаточно радикальны, а следовательно, неэффективны.

⁹ Уэллсу было свойственно называть свои трактаты подобно просветителям.

¹⁰ Удаленная сцена романа.

«Человек-невидимка» (1897) представляет нам ученого, захваченного идеей управления миром, и группу обывателей. Но контраста не получается: Гриффин тот же обыватель, он продукт этого мира, маленький человек, вообразивший себя сверхчеловеком, но с возможностью попытаться управлять миром, недаром его записи достаются безграмотному Марвелу, помешанному на тех же идеях. Стереотипы оказываются сильнее.

Интересная панорама человеческих типов представлена в «Войне миров»: приспособленец, бунтарь, священник – все равны перед лицом бесстрастного врага. Островная изолированность, бывшая преимуществом в обычной войне, становится основным фактором, могущим привести к полному уничтожению (контроль гораздо эффективнее в замкнутом пространстве). Марсиане – вариант развития человека (см. «Человек миллионного года»): максимально развившийся мозг, отсутствие эмоций, единственная цель – выживание и расширение территории. Эволюционная теория в действии: марсиане (как более развитая в техническом отношении раса) легко покоряют землян, но их уничтожает земная бактерия как более приспособленный организм. Вселенная абсолютно равнодушна к живым существам, закон одинаков для всех. Несмотря на кажущуюся победу, будущее человечества неопределенно: вероятно, это была первая вылазка, за которой могут последовать другие, а человечество ни на йоту не приблизилось к решению проблемы. Уэллс использует стиль документальной хроники со ссылками как на известных современникам, реально существовавших ученых, так и на выдуманные события и факты¹¹.

«Когда спящий проснется» (1899) – первая попытка в рамках большой формы создать картину полноценного дистопического будущего. Финал открытый, но предположительно мировой конфликт должен привести к «светлому социалистическому будущему». В 1910 году роман был переработан и переиздан под названием «Спящий просыпается».

Роман «Первые люди на Луне» (*The First Men in the Moon*) был напечатан в 1901 году и отнюдь не был первым по тематике¹². Особенно близок он творению Фрэнсиса Годвина, возможно, потому, что вышел практически сразу после обновленной версии «Человека на Луне». Это сатирическое (в духе свифтовских «Приключений Гулливера») отражение взглядов Спенсера на структуру общества (руки, мозг и т.д.) – снова прием зрительно реализованной метафоры: селениты в прямом смысле «выращивают» руки, ноги, мозг (то, что необходимо для того или иного вида деятельности). Сцены сходны с эмбрионариумом О. Хаксли. С одной стороны, общество стабильно и «идеально», но бесчеловечно: все подчинено жесткой функциональности, индивид – винтик системы. С другой – миру селенитов чуждо насилие в земных масштабах, рассказы Кейвора о войнах и революциях как неотъемлемой части развития истории человечества говорят не в пользу последнего.

Вернемся к идее А. Воробьевой об утопии и антиутопии как метажанре (или амбиутопии М. Эпштейна). С точки зрения персонажей, общество селенитов организовано идеально: социальная справедливость, отсутствие конфликтов, с точки зрения читателя и автора, это пародия.

«Пища богов» (*The Food of the Gods*) увидела свет в 1904 году и удостоилась весьма язвительной оценки со стороны Г.К. Честертон¹³, сравнившего великанов Уэллса с нищенским Сверхчеловеком [20]. Это «несостоявшаяся утопия», большинство людей не готовы к изменениям, общество относительно стабильно (мировые конфликты еще только на подходе).

В поздних романах Уэллс пытается говорить о возможности духовного совершенствования человека через улучшение его биологической природы («Пища богов»). Близкая идея использована в романе «В дни кометы» (не самый удачный с точки зрения художественных качеств), где «представлены все последствия внезапного роста нравственных чувств в человечестве¹⁴» [31, т. 14, с. 298], писал Уэллс в предисловии к первому русскому собранию своих сочинений.

В утопических произведениях Уэллса можно проследить влияние Уильяма Морриса, в частности в идее созидющего труда (в основном ручного), искусства во всех его проявлениях как способа одухотворения личности (Уэллс добавит образование и научную деятельность¹⁵).

В 1905 году вышла «Современная утопия» (*A Modern Utopia*), в которой Уэллс продемонстрировал свое видение жанра (ниже мы подробнее остановимся на остальных аспектах).

¹¹ Позднее эти приемы для создания правдоподобия будут использовать Дж. Уиндем и В. Гигевич.

¹² «Икарменипп, или Заоблачный полет» и «Правдивая история» Лукиана, «Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершённое Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол» (1638) Фрэнсиса Годвина, «Иной свет, или Государства и империи Луны» (между 1647 и 1650) Сирано де Бержерака, «Беседы о множественности миров» (1686) Бернара Ле Бовье де Фонтенеля, «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала» (1835) Эдгара Аллана По, «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут» и «Вокруг Луны» Жюль Верна, «На Луне» К. Циолковского.

¹³ «Пища богов» – это, по сути, сказка «Джек – Победитель великанов», рассказанная с точки зрения великана [30].

¹⁴ Роман был встречен неодобрительно из-за уэллсовской трактовки полового вопроса.

¹⁵ Этим аспектам Уэллс уделял особое внимание в своей общественной деятельности.

По его мнению, изменения произошли благодаря теории Ч. Дарвина, повлиявшей на сам процесс мышления. Утопия в этом новом мире должна быть динамичной, а не статичной. Основное внимание уделяется всесторонне развитой личности¹⁶: только такие люди могут создать близкий к идеалу мир.

Среди особенностей русской утопии Н.В. Ковтун указывала перенос интереса с «утопического государства» на «утопического человека» [27, с. 6] – это то, к чему Уэллс окончательно пришел в своих более поздних произведениях: «Пища богов» (1904), «Люди как боги» (1923).

Уэллс признает неустойчивый «hesitating» характер своего мышления и чувствует необходимость в уточнении своей позиции, выраженной в ранних публицистических работах, так появляются «Предвидения», «Человечество в процессе созидания», «Современная утопия».

Несмотря на обвинения в расизме и фашизме, взгляды Уэллса не являлись столь радикальными. Его восприятие эволюционной теории тесно связано с концепцией этической эволюции Т. Хаксли, которая получила окончательное оформление в Романесовской лекции 1893 года, названной «Эволюция и этика». Космический процесс Хаксли понимал как борьбу за выживание у животных и растений, в то же время по отношению к человеку применимо понятие этического процесса, т.е. человек сам может управлять своим развитием, руководствуясь разумом и логикой, что позволяет ему избежать особо острых аспектов борьбы за выживание. Борьба человека – это общее, коллективное дело, цель которого не выживание сильнейших, а выживание наибольшего количества особей. Таким образом, этическая эволюция не отрицает борьбу и биологический отбор, а дает человеку право определять форму, которую они примут.

«Предвидения» – это скорее футурологическая, нежели художественная работа, эксперимент по экстраполяции [29, с. 6], Уэллса интересуют не новые изобретения, а развитие старых: железнодорожный транспорт, автомобили, движущиеся тротуары, методы ведения войны. Развитие транспортной системы, «исчезновение расстояний» приведет к распаду некоторых социальных институтов и заложит предпосылки к созданию единого мирового государства. Он уделяет большое внимание «национальной эффективности» и эффективности человека вообще. Общество будущего должно состоять из людей, чьи индивидуальности будут взаимодействовать наиболее эффективно, все остальные попадут под жернова естественного отбора (тем самым снимается вопрос о расовой детерминированности). Люди, бесполезные для общества, не заслуживают поддержки. Именно это утверждение вызвало гневные нападки на книгу, поэтому Уэллс в прессе попытался объяснить, что вывел не собственные чаяния по поводу будущего, а продолжение существующих тенденций. Но автор видит зачатки нового порядка в старом мире и настаивает на революционных изменениях (сказывается деятельность в Фабианском обществе).

В трактате 1903 года «Человечество в процессе самосозидания» писатель формулирует основные положения более аккуратно. Человечеству нужен не только научно-технический прогресс, ему предстоит пройти долгий путь духовного развития, будучи биологическим видом, человек является частью планетарного процесса, и рано или поздно он осознает необходимость объединения. Логично, что поначалу достижения НТП могут вызвать всплески насилия (мотив будущих войн уже возникал в «Предвидениях»), но войны при таком уровне развития науки будут настолько разрушительными, что это только ускорит объединение¹⁷. Именно на этом предположении основаны романы «Война в воздухе» (1908) и «Освобожденный мир» (1914). В отличие от И. Канта, который в трактате 1793 года утверждал, что сама логика исторического развития заставит человечество отказаться от войны, Уэллс считает, что для такого поворота необходимо волевое усилие наиболее одаренных людей. Наука косвенно приведет к катастрофе, а ученые и инженеры построят новый мир. Снова поднимается национальный вопрос: по мнению писателя, патриотизм, национализм и даже интернационализм являются преградами для единого государства. В то же время это не означает нивелировки личности, поэтому возникает необходимость в разработке декларации прав человека и человеческого достоинства, которая предусматривает сохранение национальных традиций.

В статье «Наука и мировое общественное мнение» он пишет: «Мы живем друг у друга на пороге. Фактически человечество стало одной общиной. В 1900 году было бы физически невозможно управлять делами человечества как одной, всеобъемлющей мировой системой. Правительства могли сохранять мир на очень значительных территориях, но не в мировом масштабе. Уничтожение расстояния сделало это теперь не только возможным, но настоятельно необходимым, если учесть бомбардировочную авиацию и тотальный характер современной войны» [31, т. 15, с. 427].

Проекты наподобие Лиги Наций писатель считал неэффективными (хотя сам работал в этом направлении), так как люди, занимающиеся этими вопросами, весьма туманно представляли конечную цель, не понимали, что такое человек и его мир, и порой обладали несколько поверхностными знаниями в области

¹⁶ М. Шадурский отмечал, что Уэллс стал первым автором, который заговорил о ценности личности и проблемах индивидуальной самореализации на страницах утопии [19, с. 57].

¹⁷ Более подробно см. в работах «Грядущее» (1916), «Война против войны» (1914), «Международная катастрофа 1914 года и ее последствия» (1923), которые написаны в связи с Первой мировой войной.

мировой истории. Для начала необходимо подготовить сознание людей к грядущим изменениям с помощью знаний (вспомним «Очерки истории цивилизаций» и «Краткую историю мира», созданные, чтобы обобщить прошлое человечества и сделать его аргументом в защиту своего представления о будущем).

Отметим, что идею мирного объединения стран Уэллс не считал утопической, так как все предпосылки уже сформировались. Движение от разобщенности к объединению показаны в романах «В дни кометы» (1906), «Война в воздухе» (1908), «Освобожденный мир» (1914).

Роман «В дни кометы» представляет собой движение к утопии: на фоне мировой войны разворачивается история взаимоотношений Ледфорда, Веррола и Нетти (классический любовный треугольник). Неприязнь и агрессия, вызванные ревностью, приводят к попытке убийства, которое не удалось благодаря счастливой случайности: Земля проходит сквозь хвост кометы, попадая под воздействие странного зеленого газа. Этот газ в буквальном смысле нравственно преображает человечество: агрессия уходит, ее сменяет любовь (английские подводники спасают от гибели моряков с немецкого броненосца).

В «Войне в воздухе» Уэллс демонстрирует крах человечества в мировой войне, основная роль в которой отведена военно-воздушному флоту. Новое вооружение, неизвестные ранее методы ведения войны делают победу немислимой: разрушено абсолютно всё, цивилизацию восстановить невозможно. Причину войны главный герой, Берт Смоллвейз, видит в излишнем *внешнем* благополучии: «дурь, чванство и гордость», «Больно много мяса ели и пили вдоволь» [31, т. 4, с. 291]. Мир, который получило человечество, – средневековая феодальная община: тяжелый сельскохозяйственный труд, ранняя дряхлость, повышенная рождаемость и др. «Война в воздухе» – типичный пример апокалиптической, или постапокалиптической, литературы.

«Освобожденный мир» – новый рывок в сторону утопии. Ученые научились использовать атомную энергию, но человечество не умеет ею правильно распорядиться (вместо получения дешевого электричества – разработка оружия массового поражения), начинается война, в результате которой мир погружается в хаос. Спасителем становится некий Леблан, предложивший идею единого правительства, в которое входят не только политики, но и ученые. Мировой конфликт через хаос ведет к созданию утопического общества. Совершенствование человека доходит до того предела, что он может перестать быть человеком. По словам М. Чертанова, «мысль – единственная героиня» романа [32, с. 86], персонажи – носители определенных идей, недаром произведение начинается с изложения истории человеческой мысли.

В 1914 году в сборнике «Англичанин смотрит на мир» появляется статья «Современный роман», основанная на интервью 1911 года. Это теоретическая основа уэллсовского творчества. Писатель говорит о так называемой «теории Усталого Гиганта»: викторианские авторы представляют читателя неким погрязшим в делах индивидом, который не хочет лишнего напряжения, идущего от серьезных книг, соответственно, литература должна развлекать, ободрять и утешать: «Ему не нужны ни мысли, ни факты, ни тем более проблемы. <...> Ему нужна романтика, но без присущих ей опасностей, и юмор, но без тени иронии, и он считает, что долг писателя – поставлять ему подобное чтение, этакую сладкую водицу» [33]. Современный автор обязан заставить Усталого Гиганта размышлять. По мнению Уэллса, женщины менее мужчин склонны упрощать отношение к роману, сама природа которого противится этому. В отличие от новеллы, для которой характерно единство впечатления, а следовательно, она должна быть лаконичной, роман позволяет показать героя в развитии. Уэллс настаивает на том, что в романе должна чувствоваться личность автора, порой в виде «откровенных и непосредственных излияний» (отсюда многочисленные авторские отступления в произведениях Уэллса и его привычка наделять персонажей чертами своего характера и вносить в их судьбу элементы собственной биографии). Писатель выступает против нарочитого вымысла в романе, но за наличие в нем морали (отсюда откровенные дидактизм и морализаторство социально-бытовых романов).

Заключение. В социально-философской фантастике Уэллса по сравнению с жюльверновской прозой лучше разработаны характеры (персонажи демонстрируют некоторое развитие по ходу сюжета), для нее свойственны органичное вплетение в ткань повествования иронии, юмора и сатиры, постановка глобальных проблем, у которых нет решения, сложные сюжетные схемы [19, с. 85]. Несмотря на явное использование схемы утопического романа (глобальность и всеохватность изображения, социальный анализ), Уэллс отказывается от трактовки и статичности сюжета¹⁸: его герой не просто созерцает чужой мир, а активно сравнивает его со своим, приходит к тем или иным выводам. Персонажи демонстрируют определенную эволюцию взглядов (немислимое явление для классической утопии).

Социально-философская фантастика уэллсовского типа, тяготеющая одновременно к амбиутопии и сатире, нашла благодатную почву в русской литературе 1920 – 1930-х годов. На территории Беларуси всплеск появления подобных произведений пришелся на конец 1980-х годов.

¹⁸ Теоретическое обоснование в «Современной утопии».

Будучи обладателем утопического мышления, Г.Дж. Уэллс «метался от очарования к разочарованию» [32, с. 502]: дистопическое изображение будущего сменялось утопическим, за идеалом следовала карикатура на собственный идеал (М. Чертанов усматривал в этом мировоззренческое сходство с Хаксли, Оруэллом и Берджесом [32, с. 106]). Довольно точно определил отношение Уэллса к человеку и человечеству Дж. Конрад: «Вы ненавидите людей и при этом думаете, что они могут стать лучше. Я люблю людей, но знаю, что лучше они никогда не станут¹⁹» [34, с. 244].

По мнению В.В. Агеносова, «необходимость создания новой концепции мира и личности, учитывающей негативный опыт развития цивилизации в социальной и гносеологической сферах, реализовывалась в неомифологизме, постмодернизме, философско-мифологическом мироощущении и т.д.» [35, с. 7]. В этот ряд можно вписать и научную фантастику, которая, занимаясь решением проблем взаимоотношения человечества и Вселенной, внесла свой вклад в формирование целостного взгляда на человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирвель, Ч.С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции / Ч.С. Кирвель. – Минск: Университетское, 1989. – 192 с.
2. Морщицина, Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Л.А. Морщицина; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2004. – 24 с.
3. Черткова, Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) / Е.Л. Черткова // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 47 – 58.
4. Sargent, L.T. British and American Utopian Literature, 1516 – 1975: An Annotated Bibliography / L.T. Sargent. – Boston: G. K. Hall & Co., 1979. – 324 p.
5. Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия / Б.А. Ланин. – М., 1993. – 199 с.
6. Баталов, Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 317/319 с.
7. Латынина, Ю.Л. Литературные истоки антиутопического жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Ю.Л. Латынина. – М., 1992. – 175 с.
8. Мортон, А.Л. Английская утопия / А.Л. Мортон. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 276 с.
9. Сабинаина, О.Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30 – 50-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / О.Б. Сабинаина. – М., 1989. – 153 с.
10. Suvin, D. Metamorphoses of science fiction: On the poetics and history of a literary genre / D. Suvin. – London, New Haven, Yale University Press, 1979. – 317 p.
11. Бритиков, А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А.Ф. Бритиков. – Л.: Наука, 1970. – 448 с.
12. Кагарлицкий, Ю.Г. Что такое фантастика? / Ю.Г. Кагарлицкий. – М.: Худож. лит., 1974. – 349 с.
13. Ревич, В.А. «Перекресток утопий»: Судьбы фантастики на фоне судеб страны / В.А. Ревич. – М.: Современник, 1997. – 384 с.
14. Ковтун, Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Н.В. Ковтун. – Томск, 2005. – 49 с.
15. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Сов. энцикл., 1970. – Т. 5. – 740 с.
16. Мараваль, Х.А. Утопия и реформизм. Утопическая мысль и динамизм европейской истории / Х.А. Мараваль // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. / сост. В.А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 210 – 232.
17. Павлова, О.А. Русская литературная утопия 1900 – 1920-х годов в контексте отечественной культуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / О.А. Павлова. – Волгоград, 2006. – 586 с.
18. Воробьева, А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.Н. Воробьева; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 528 с.
19. Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М.И. Шадурский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 160 с.
20. Шадурский, М.И. Литературная утопия: к вопросу о теории жанра / М.И. Шадурский // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: материалы пятых андреевских чтений / под ред. Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко, Н.Т. Пахсарьян. – М., 2007. – С. 30 – 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: natura.org/wp-content/uploads/2011/03/shadursky.pdf. – Дата доступа: 10.02.2013.
21. Gerber, R. Utopian Fantasy: A Study of English Utopian Fiction since the End of the 19th Century / R. Gerber. – New York, 1973. – 168 p.

¹⁹ Отзыв о трактате «Новый Макиавелли» (1911).

22. Смирнов, А.Ю. Литературная утопия: проблема генезиса / А.Ю. Смирнов // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4. – 2009. – № 1. – С. 39 – 43.
23. Шестаков, В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – М.: ВЛАДОС, 1995. – 208 с.
24. Сиземская, И. Социалистическая утопия как архетип русской мысли / И. Сиземская // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 78 – 92.
25. Соловьева, Е. Уэллс / Е. Соловьева // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / под ред. А.П. Саруханян. – М.: Наука, 2005. – С. 435 – 439.
26. Beresford, J.D. H.G. Wells / J.D. Beresford. – New York: Henry Holt &C, 1915 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/15351/15351-h/15351.htm>. – Дата доступа: 4.06.2011.
27. Ковтун, Е.Н. Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиция Герберта Уэллса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.04 / Е.Н. Ковтун; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 22 с.
28. Ковтун, Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века / Е.Н. Ковтун. – М.: Высш. шк., 2008. – 408 с.
29. Partington, J.S. The Death of the Static: H.G. Wells and the Kinetic Utopia [Electronic resource]. – Mode of access: http://reading.academia.edu/JohnPartington/Papers/375892/The_Death_of_the_Static_H_G_Wells_and_the_Kinetic_Utopia. – Date of access: 20.02.2012.
30. Chesterton, G.K. Heretics / G.K. Chesterton [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/470/470-h/470-h.htm#chap05>. – Date of access: 10.06.2011.
31. Уэллс, Г.Дж. Собрание сочинений: в 15 т. / Г.Дж. Уэллс. – М., 1964.
32. Чертанов, М. Герберт Уэллс / М. Чертанов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 511 с.
33. Уэллс, Г.Дж. Современный роман / Г.Дж. Уэллс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/uells_gerbert/sovremenniy_roman.html. – Дата доступа: 14.06.2012.
34. Прашкевич, Г.М. Герберт Уэллс / Г.М. Прашкевич. – М.: Вече, 2010. – 400 с.
35. Агеносов, В.В. Некоторые итоги развития литературы XX века в контексте русского литературного процесса (Опыт классификации) / В.В. Агеносов // Филологические науки. – 2003. – № 1. – С. 3 – 9.

Поступила 15.06.2013

H.G. WELLS'S SCIENCE FICTION NOVELS: FROM ANTIUTOPIA TO UTOPIA

O. KULIK

H.G. Wells's science fiction novels are analysed from different perspectives: utopian, satirical and science fiction traditions are taken into consideration. The detailed picture of theoretical interpretation of utopia is given (terminology, the history of the concept, its functions, and closely-related concepts). The author concludes that Wells, while speaking about the long-term outlook of all mankind, is consistently moving from antiutopia to utopia, moreover, the synthesis of two systems is seen in some novels, that makes it possible to use the term "ambiutopia" speaking about Wells's texts. Science fiction genre canon is formed in his early works. Wells's ideas are represented not only in his novels but in his social and political essays.